

ФЕНОМЕН «НЕВОЗВРАЩЕНЦЕВ» В ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ВОЙНЕ СБОНР* ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

И.А. Лунева

Нижегородский государственный университет

Проблема «невозвращенцев» в написанной истории политической оппозиции коммунистическому режиму в СССР занимает пока небольшое место. В действительности феномен невозвращенцев был серьезной проблемой для советского правительства, которое прилагало, в особенности после Второй мировой войны, усилия по убеждению мировой общественности в том, что все советские граждане желают вернуться на Родину. Нежелание возвращаться наносило удар по престижу советского режима, который называл себя народным и гуманным. В советской прессе невозвращенцы получали самые негативные эпитеты и характеристику — предатели, изменники, отщепенцы и т.д. Вопрос о том, кто же входил в эту группу людей, не пожелавших вернуться на Родину после ужасного плена и непосильного труда на немецких фабрикантов и помещиков-землевладельцев, до сих пор слабо разработан в отечественной литературе.

Большинство невозвращенцев попало в плен отнюдь не добровольно, а в силу обстоятельств, сложившихся на театре военных действий Великой Отечественной войны. Другие оказались на занятой врагом территории потому, что они там проживали и по каким-либо причинам не смогли или не хотели эвакуироваться. Эту категорию лиц насильно вывезли в Германию.

Пережив плен и отработав на немецкую промышленность, значительная часть этих людей, тем не менее, решила остаться за рубежом. Они оказались странниками (и в прямом, и в переносном смысле этого слова). Им пришлось сменить целый ряд стран, прежде чем для них нашелся приют. Они меняли фамилии, национальность, профессии, адреса, паспорта, опасаясь насильственной выдачи, многие и многие годы жили в страхе, опасаясь, что вот сейчас прозвенит звонок в дверь, и за ними придут. Старались держаться вместе — это помогало выжить, объединялись в политические организации и всеми силами боролись против тоталитарного коммунистического режима в СССР.

Одной из таких организаций стал СБОНР, созданный из числа бывших «власовцев», оstarбайтеров (восточных рабочих) и отчасти эмигрантов «первой волны».

Активная наступательная антисоветская и вообще антикоммунистическая пропаганда всегда была важнейшим направлением работы СБОНР. В многоплановом потоке информационной войны против коммунистической Москвы Союз умело использовал случаи с бывшими гражданами СССР, не пожелавшими ехать обратно в Советский Союз после Второй мировой войны или перешедшими границу оккупационной зоны Германии в сторону Запада. Центральным печатным органом СБОНРа был журнал «Борьба», одной из рубрик которого являлась специальная рубрика «Говорят невозвращенцы». В этом разделе публиковались воспоминания бывших советских граждан — рабочих, колхозников, военнослужащих, интеллигенции, решивших остаться или перейти на Запад. Основное время существования этой рубрики приходится на 1955–1960 гг. — в начальный период активной деятельности так называемого «михайловского комитета» (речь о кото-

---

* Союз борьбы за освобождение народов России.

ром идет ниже. — *И.Л.*), когда противостояние коммунистической пропаганде было особенно актуальным для всей эмиграции в целом и для СБОНРа в частности. В 1970–1980-е годы воспоминания бывших советских граждан выходили в виде отдельных статей в контексте всего издания.

Рассмотрим несколько характерных свидетельств «невозвращенцев», опубликованных в «Борьбе», которые позволяют не только понять мотивы невозвращения, но и проанализировать методы работы пропагандистов СБОНР, довольно чутко реагировавших на всякое выражение антисоветского недовольства в среде эмигрантов.

«В период коллективизации меня причислили к кулакам и раскулачили, хотя хозяйство мое состояло из 5 га земли, двух лошадей, одной коровы. Семья же моя состояла из пяти человек», — сообщал «невозвращенец» Семен Марченко. Он решил написать письмо в Центр, М.И. Калинин, и попросить его разобраться в действиях местных властей. Семену Марченко удалось лично попасть на прием к Калинин и передать ему свою жалобу. Что же последовало за этим? Все, кто помогали Марченко, были арестованы, а сам он, узнав об этом, возвращаться в родные края не стал и скитался по России более десяти лет [1].

«Какова была бы судьба людей, решивших выступить против правительства — судите сами» [2], — подводил итог С. Марченко. Еще один «невозвращенец» из-под Брянска В. Лукин так описывал трудовую жизнь в колхозе «КИМ»: «Наш колхоз КИМ крестьяне тайно называли «Колхоз некуда деться»... В 1930 году в КИМ сначала записали 10 семей бедняков и назвали их активистами. Остальная крестьянская масса не шла в колхоз. Так длилось около трех лет. Однако репрессии — раскулачивание, обложение твердым заданием, огромнейшие натуральные налоги на индивидуальное хозяйство сломили сопротивление. Деваться было некуда, пришлось идти в колхоз... Прошел год, и не только наша лошадь, а 70% сданных крестьянами в колхоз лошадей подохло, осталось только 45... К весне запасы колхозников подходили к концу, началось недоедание и голод. На работу не шли, а план под страхом ареста требовалось выполнить. ...Председатели колхоза и правления менялись за год несколько раз.

В 1937 году все погнило. Приехало партийное начальство из района, составили акты. Председателя колхоза В.И. Ткачева, предыдущего председателя Д. Алешина, бригадира М. Детова признали вредителями и «врагами народа»... Судила тройка НКВД в городе Орле. Присудили двоим по 25 лет, а третьему 20 лет тюремного заключения. Дальнейшая их судьба осталась неизвестной» [3].

«В стране коммунистической диктатуры господствуют ложь, клевета, насилие и террор. И я рад, что судьба помогла мне избавиться от этого мрака каторги, где страдает свыше 150-ти миллионов таких самых, как я» [4], — вспоминал Семен Коваль, проживавший в лагере для Ди-Пи (Displaced Persons — перемещенные лица) на территории Западной Германии.

Безусловно, среди так называемых ДиПи было немало граждан, которые верили, что Родина их простила, что их ждут родной дом, работа. Они выражали желание репатрироваться сразу после капитуляции Третьего рейха в 1945 г. и делали это. «...Иные сомневались, — писал в «Борьбе» гр. Каргарсков, — но большинство ожидало самого худшего, они и оказались правыми. Как только партия (репатриантов. — *И.Л.*) прибывала на советскую границу, ее переводили в стандартные конвойные составы, брали под «нормальную» или «усиленную охрану», объявляли грозные требования к арестантам, инструкции и везли за Волгу, за Урал, в глубь Сибири и на ее северные окраины» [5].

Из рассказа того же гр. Каргарскова мы узнаем, что в специальных лагерях людям объявляли сроки заключения, хотя до этого им ничего не говорили о наказании. Увезенные немцами дети, если на них не оказалось никакого компрометирующего материала, получали по два года исправительно-трудовых лагерей. Военнообязанные и бывшие военные получили от 2 до 15–20 лет, так как: «им было

дано распоряжение или приказ умереть, а они остались жить. Разве это не саботаж?» [6].

Все же кое-кто попадал действительно в родной дом. И эти люди тут же ставились на учет МГБ и играли роль «наживки» или «ширмы» для тех, кто был «там» и сомневался, а затем их ждала та же участь, что и остальных. «Семейных разъединяли, — свидетельствовал гр. Каргарсков, — отца отсылали в одно место, мать в другое, взрослых детей в третье. Объявив всем, что по окончании срока заключения вернуться в места своего пребывания до войны никто не имеет права (что значит — остается поселенцем в отдаленных местах), приступали к отправке этапов в места отбывания сроков заключения. Отправляли на постройки подземных аэродромов, секретных заводов, в отдаленные рудники (Норильска, Колымы и др.), на постройки стратегических дорог и для «превращения севера в цветущий сад» (фраза Сталина)» [7]. Эти сведения различными путями попадали на Запад, в лагерь для Ди-Пи, и люди, прежде готовые ехать домой, теперь всячески старались избежать репатриации. И вот тогда советских граждан стали отправлять в СССР насильно.

В русском зарубежье до сих пор каждый год отмечают годовщины печальных событий, связанных с насильственной репатриацией во второй половине 1940-х годов граждан СССР или старых эмигрантов (подданных Российской империи, подданных других государств или вообще бесподданных). Среди известных миру фактов насильственной репатриации:

1. Выдача казаков из Лиенца 28 мая — 2 июня 1945 г.
2. Выдача русских военнопленных из Форты Дикс, штат Нью-Джерси, США, 25 июня 1945 г.
3. Насильственная отправка жителей лагеря Кемптен 12 августа 1945 г.
4. Выдача из Дахау 19 января 1946 г.
5. Первая выдача пленных из Платтинга 24 февраля 1946 г.
6. Вторая выдача пленных из Платтинга 13 мая 1946 г.
7. Выдача из Бад-Айблинга 21 августа 1946 г.
8. Выдача из лагеря Римини (Италия) 8 мая 1947 г. [8].

Насильственная репатриация проводилась союзниками СССР по антигитлеровской коалиции — США и Англией (при активном участии советских представителей) согласно решению Ялтинской конференции 1945 г. По решению конференции, должны быть репатрированы все те, кто были советскими гражданами на 1 августа 1939 г. Известно, однако, что это положение грубейшим образом нарушалось. Насильственно репатрированными оказались многие не граждане СССР, а эмигранты, покинувшие Россию после октябрьской революции 1917 г., во время и после гражданской войны, а также в 30-е годы (например, выдача казаков в Лиенце).

Правительства западных стран старались выполнить свои обязательства перед СССР, т.к. Советский Союз вынес основную тяжесть войны на своих плечах, оккупировал территорию Восточной Европы и, следовательно, имел право диктовать свои условия союзникам. На насильственный характер выданных повлиял и тот факт, что правительства западных стран были обеспокоены огромным количеством предполагаемых эмигрантов, ведь их надо было бы устраивать, предоставлять жилье, работу, социальные гарантии, а это предполагало дополнительные финансовые затраты. Поэтому союзники стремились к ограничению количества эмигрантов настолько, насколько это было возможно. Они также чувствовали настроения в правительственных кругах Советского Союза. Приведем здесь любопытную цитату из телеграммы поверенного в делах посольства США в Москве Дж. Кеннана госсекретарю США о начале кампании в советской прессе в пользу принудительной репатриации всех советских военнопленных: «Здесь, очевидно, боятся, что эти лица могут стать источником беспокойства, если они не репатрируются при первой же возможности, и что престиж Советского Союза пострадает, если всем станет известно, что некоторые его граждане без

если всем станет известно, что некоторые его граждане без энтузиазма принимают предложения о репатриации» [9].

Западные и восточные оккупационные власти осуществляли репатриацию в тесном контакте с такими международными организациями, как УНРРА и ООН, а также с Комитетом по делам беженцев и перемещенных лиц в Социальном и экономическом совете Генеральной Ассамблеи ООН. Согласно данным российских исследователей истории Русского освободительного движения, на 1 октября 1945 года общее количество репатриантов составляло «5 263 130 человек, из них 3 104 284 мужчин (59,0%), 1 498 153 женщин (28,5%) и 633 693 детей до 16 лет (12,5%)» [10].

Как уже отмечалось выше, основной контингент репатриированных граждан попал после тщательной проверки в исправительно-трудовые лагеря Сибири, а бывших «власовцев» устраивали с наибольшим «комфортом» — «на спецпоселение сроком на шесть лет» [11]. «Их расселяли и трудоиспользовали в районах Норильского и Ухтинского комбинатов НКВД, в Печорском угольном бассейне, а также на лесозаготовках в верховьях Камы в Молотовской области» [12].

По окончании срока ссылки репатриантов оставляли на проживание недалеко от тех мест, в которых они отбывали наказание. Как отмечают авторы цитируемого выше сборника, права репатриантов «сплошь и рядом ущемлялись... работа на пользу Германии во время войны считалась «несмываемым пятном» в биографии советского человека» [13]. Это выражалось в презрительном отношении окружающих, трудностях с трудоустройством и последующим карьерным ростом, поступлением в вузы и т.д.

Но были люди, которых не удалось вернуть ни насильно, ни насильно-добровольно, ни добровольно. Их и называли «невозвращенцами». Они сознательно остались жить и работать на Западе. Чаяния и мысли невозвращенцев попытался выразить Ю. Терновский, редактор и автор целого ряда сбонровских изданий: «Мы ушли оттуда (из СССР. — *И.Л.*), потому что слишком уж пострадали — либо сами лично, либо глядя на чужие страдания. Нам не вмоготу стал нескончаемый произвол советской власти; нас довело до отчаяния постоянное чувство полной незащитности против этого произвола... Ведь это была не жизнь, а какой-то кошмар: буквально никто не чувствовал себя в безопасности. Сталина боялись все, без единого исключения, но и Сталин боялся всех. Сталинские опричники рубили головы направо и налево, обращаясь с остальными гражданами, как с последними рабами...» [14].

Поток репатриантов иссяк уже к осени 1945 г. В западных оккупационных зонах осталось несколько сотен тысяч человек. Союзники выполнили свой долг перед СССР и вспомнили о правах человека. На прекращение репатриации повлияла и набравшая обороты конфронтация между бывшими союзниками, очень скоро переросшая в холодную войну. И если у предполагаемого репатрианта была хоть какая-нибудь причина остаться (например, украинская или польская национальность, принадлежность к «первой волне» эмиграции, бесподданство), его не подвергали насильственной выдаче. Теперь правительства западных стран стали помогать репатриантам. Но каким образом? Они считались гражданами «второго сорта». Известно, что «тяжелый, низкооплачиваемый труд был практически единственной экономической перспективой для большинства из них» [15], и многие мужчины уезжали из лагерей Ди-Пи без семей, которые лишь через 2–3 года могли присоединиться к своему кормильцу. На получение гражданства уходило еще больше времени (до 5 лет). И опять следовали ограничения в правах!

В то же время советское правительство и органы НКВД не теряли надежду всеми правдами и неправдами вернуть их в СССР. Так, на территории Восточного Берлина был создан Комитет «За возвращение на Родину», которым руководил генерал-майор советской армии Николай Филиппович Михайлов, занимавшийся в 1945 году репатриацией советских граждан. Комитет начал свою активную деятельность в апреле 1955 года и использовал следующие лозунги: «Опомнитесь,

братья и сестры! Возвращайтесь на Родину!», «Даже тех, кто виновен перед Родиной — Родина примет», «Она поймет, простит каждого из своих детей!», «Даже тех, кто ...вступил во враждебные нашей стране воинские организации!», «Родина вас зовет!» [16].

Была опубликована, как писал Леонид Пылаев в сбонровской брошюре «6 часов на Родине», «и так называемая амнистия, которая «прощала» всех тех, кому давным-давно были ясны преступные деяния бывшего «отца и учителя» [17]. Речь идет об Указе Верховного Совета от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Отечественной войны 1941–1945 годов». Но ведь амнистии — все без исключения — объявляются только для преступников. Значит, один тот факт, что человек решает воспользоваться амнистией, свидетельствует о публичном признании этим человеком своей преступности. На что же мог рассчитывать предполагаемый «возвращенец»? Прежде всего — это недоверие со стороны знакомых, и даже близких людей, слежка соответствующих органов, подозрение в шпионаже, не говоря уже о тюрьмах. СБОНР предупреждал об этом эмигрантов в специально изданной листовке: «если репатриант и не попадет сразу за решетку или колючую проволоку, то все равно он будет на особом учете, под неотступным наблюдением, как человек, подозреваемый в том, что его заслали в Советский Союз в качестве шпиона «замедленного действия» [18]. Роль СБОНР состояла в том, чтобы после Второй мировой войны «бывшие советские граждане, испытавшие на своем горбу сталинский социализм, не возвратились на родину, предпочитая эмигрантскую жизнь коммунистическому «раю» [19].

СБОНР сумел убедить сотни людей не возвращаться в СССР. В своей пропагандистской войне против репатриации Союз использовал не только лозунги и публикации. Борьба за каждого невозвращенца считалась частью общей психологической войны Запада против коммунистических стран. Так, в специальном докладе «Наши задачи в психологической войне» председатель СБОНР К.А. Крылов отмечал: «1. Учитывая международный характер психологической войны, — во всех странах нашего рассеяния, всеми возможными путями нести в самые широкие слои населения каждой страны правду о большевизме. Надо использовать личный контакт, устраивать собеседования, диспуты, ответы на вопросы. 2. Не оставлять без внимания ни одного устного или печатного выступления, так или иначе касающегося Советского Союза. Нужно ободрять и поддерживать тех, кто понял природу советской системы...» [20].

Комитет генерала Михайлова, противостоявший СБОНР и другим объединениям антисоветской эмиграции, издавал свой печатный орган — газету «За возвращение на Родину» и осуществлял трансляцию радиопередач. Комитет вел пропагандистскую деятельность среди новых эмигрантов с целью убедить их вернуться в СССР, уверял в изменении условий жизни в СССР после смерти И.В. Сталина, а также в том, что все провинившиеся подлежат амнистии, т.е. «светлое будущее им гарантировано». Формально комитет был создан как «добровольное объединение» «бывших перемещенных лиц из числа советских граждан и эмигрантов», которые, познав счастье возвращения на Родину, не могли не отдать своих сил и средств, чтобы побудить к возвращению находящихся за рубежом соотечественников.

Поверившие обещаниям Комитета люди были немедленно депортированы в СССР. Однако перед отправкой их принуждали выступить по радио с призывом к соотечественникам вернуться на Родину или написать письма родственникам, находящимся за границей Советского Союза «с просьбой присоединиться к ним» — сообщала редколлегия журнала внутренней связи власовцев «Доброволец» [21]. «Нововозвращенцев» просили также составить списки отдельных лиц или эмигрантских групп, проживающих на территории Западной Германии.

С целью получения адресов эмигрантов Комитет проводил всевозможные акции, в которых использовались даже имена таких крупных международных орга-

низаций, как ЮНЕСКО. Так, например, журнал «Доброволец» № 38 (1956 г.) поместил статью под названием «Помогает ЮНЕСКО товарищу генералу Михайлову». Речь в ней шла о том, что «ЮНЕСКО намеревается в начале апреля 1956 г. произвести экзамены для лиц, которые подадут заявления на должность русских переводчиков» [22].

Далее в статье говорится о том, что «экзамен состоится в апреле 1956 г. в Москве», а целью экзамена «является составление списка кандидатов...». Прежде чем ехать на экзамен, кандидаты должны были заполнить анкету, среди вопросов которой были, например, и такие: «когда покинули Родину, какие страны и с какой целью посещали и т.д.». «По этим адресам комитет ген. Михайлова рассылает в письмах не только свою газету, но иногда и персональные приглашения возвращаться на Родину», — пишет автор статьи, указавший только свои инициалы — А.М. Согласно его размышлениям: «какое-то количество доверчивых людей, безусловно, откликнулось на это объявление и сообщило свои адреса» [23].

Как сообщает издание СБОНР, «начиная с конца 1953 года внимание общественности Запада было привлечено многочисленными кражами в различных благотворительных учреждениях, занимающихся помощью эмигрантам, карточек и прочих документов. Попутно можно было установить, что за многими эмигрантами велось неизвестными лицами усиленное наблюдение. В тех редких случаях, когда «наблюдателей» удалось арестовать, обычно выяснялось, что они имели то или иное отношение к местным коммунистическим партиям или принадлежали к уголовным элементам эмиграции» [24].

Зарубежные представители НКВД предпринимали усилия, чтобы вернуть эмигрантов в СССР. Использовалась практика похищения людей. По свидетельству указанного органа СБОНР, «в сентябре 1951 года заместитель министра внутренних дел Австрии М. Граф официально сообщил, что, по данным полиции, с конца 1945 года только из западных секторов Вены было похищено не менее пятисот человек разных национальностей, среди которых было немало эмигрантов из СССР и стран-сателлитов» [25].

Агенты НКВД проникали и в лагеря Ди-Пи, в которых вели пропаганду, обращая внимание жителей на невыносимые лагерные условия, на неполадки в работе лагерной администрации; дискредитировали тех или иных лиц, сеяли различные, часто противоречивые, слухи. «Чаще всего советская агентура имела задание внести разложение, посеять дух раздора» — подчеркивают авторы сборника «Организованное покушение на эмиграцию» [26].

По сведениям эмигрантов, агенты НКВД использовали практику похищения людей, игравших ведущие роли в различных эмигрантских организациях. В цитируемой выше брошюре «Организованное покушение на эмиграцию» приводятся факты исчезновения известного эмигрантского деятеля доктора Александра Трушновича, а также двух эмигрантов, работавших на радиостанции «Освобождение». Этих людей объединяли политическая направленность и внезапность исчезновения (без видимых причин). Советскими органами разведки на Западе широко распространялись идеи о том, «что эмигранты из Советского Союза не понимают людей Запада и не желают их понять» [27]. Таким образом формировалось негативное общественное мнение [28].

В контексте войны за невозвращение интересно рассмотреть развитие ситуации в Бельгии. Как известно, в Бельгии оказалось много бывших советских граждан, заброшенных сюда судьбой во время или после Второй мировой войны. В основном, эмигранты, приехавшие в эту страну, работали на угольных шахтах. Деятельность михайловского комитета по проведению репатриации на территории Бельгии не принесла ожидаемых результатов. Тогда в Бельгии был создан Союз Советских граждан. «Вначале он состоял из нескольких бывших советских гражданок, которые пошли на это под влиянием писем матерей и отцов, написанных «под диктовку МВД», — писал Леонид Пылаев [29].

Они должны были стать агитаторами и пропагандистами кампании за возвращение в Советский Союз. В 1955 году в Льеже состоялся 1-й пленум этого союза. В его работе принял участие сотрудник советского посольства некто Карюкин. Он развернул активную деятельность по привлечению в ряды Союза новых членов. По словам Л. Пылаева, публициста и эксперта СБОНР по вопросам невозвращенцев: «отдельным бельгийским предпринимателям советское посольство «дарило» кругленькие суммы, чтобы они вылавливали имена соотечественников из шахт и давали им работу на фабриках или заводе» [30]. Взамен от эмигрантов требовалось: вступление в Союз советских патриотов и отказ от антикоммунистической деятельности. Таким образом Москве удалось создать в Бельгии свою легальную агентуру.

Однако члены эмигрантских политических организаций также не теряли времени даром. Так, Центральное бюро СБОНР 12 апреля 1955 года постановило: «выступить с инициативой создания в противовес коммунистическому комитету «За возвращение на Родину» — Всемирного комитета защиты антикоммунистической эмиграции» [31]. Член правления другой известной эмигрантской организации — Центрального объединения политических эмигрантов из СССР (ЦО-ПЭ) — Ф. Арнольд выступил на митинге в Мюнхене 29 апреля 1955 года с докладом. Ф. Арнольд, в частности, пояснил: «замысел комитета «За возвращение» не столько в том, чтоб добиться действительного возвращения всех эмигрантов, — коммунисты знают, что это невозможно, — сколько в том, чтобы произвести громкий эффект, подорвать наш политический престиж на родине и за рубежом. Поэтому мы должны разъяснить подлинную сущность новой акции КГБ, повысить чувство моральной ответственности за судьбу освободительного движения нашего народа, и — что особенно важно — мобилизовать общественность Запада на защиту эмиграции и укрепление ее политического веса» [32].

Советская пропаганда обладала большим арсеналом агитационных средств, но люди, ставшие «невозвращенцами», были убеждены в том, что в Советском Союзе, кроме начальников и надсмотрщиков, тюрем и лагерей, многочисленных ограничений в правах их ничего не ждет.

В июне 1955 года журнал «Свобода» (орган Центрального объединения послевоенных эмигрантов из СССР) поместил на своих страницах открытое письмо генерал-майору Советской армии Николаю Филипповичу Михайлову от бывшего советского гражданина, невозвращенца А.К. Лунина (Западная Германия). А.К. Лунин писал: «Вы стараетесь воздействовать на самое чувствительное место в нашем сердце — на любовь к Родине... Но... абсолютное большинство российской эмиграции остается и останется здесь до тех пор, пока наша многострадальная Родина не будет освобождена из-под коммунистического ига... В памяти народа никогда не сотрется ни одно из преступлений коммунизма...» [33].

Таким образом, возникновение явления «Невозвращенцы» означало усиление политической оппозиции советскому режиму, располагавшейся за границей. «Невозвращенцы» означали появление новой формы оппозиции и борьбы эмиграции против политического режима в СССР. Значительную поддержку группам невозвращенцев оказывала крупнейшая антисоветская организация эмиграции — СБОНР. Поскольку международные отношения развивались в режиме холодной войны, борьба СБОНР и советских государственных ведомств за каждого невозвращенца стала делом принципа. Каждый, хотя бы единичный факт возвращения кого бы то ни было из эмиграции в Советский Союз являлся для коммунистической власти положительным, то есть укрепляющим ее международный и внутриполитический престиж. Сопrotивление СБОНР репатриации в Советский Союз в 1950–1960-е годы приобретало все более острые пропагандистские формы, а каждый не вернувшийся в СССР рассматривался власовским союзом как еще одно политическое и идеологическое поражение социализма и победа антисоветской оппозиции.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Марченко С. Как я был у Калинина // *Борьба*. Центральный орган Союза борьбы за освобождение народов России, № 9–10 (25–26). 1949. С. 24.
- ² Там же. С. 25.
- ³ Лукин В. В колхозе КИМ // Там же. С. 25–26.
- ⁴ Семен Коваль. Я протестую // *Борьба*. № 2–3 (17–18). Февраль-март, 1949. С. 26.
- ⁵ Каргрсков Гр. Родина встретила // *Борьба*. № 10 (38). Октябрь 1950. С. 13–14.
- ⁶ Там же. С. 14.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Судьба русских перемещенных лиц // Колобов О.А., Корнилов А.А., Шамин И.В. Проблемы войны и мира в XX веке. Нижегородская серия документов по истории международных отношений. Хрестоматия. Т. 3 / Под общ. ред. академика О.А. Колобова. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 1998. С. 14.
- ⁹ Там же. С. 13.
- ¹⁰ Материалы по истории Русского освободительного движения: Сб. статей, документов и воспоминаний. Вып. 4 / Под общ. ред. А.В. Огорокова. М., 1999. С. 377.
- ¹¹ Там же. С. 397.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 401.
- ¹⁴ Терновский Ю. Мысли о возвращении. Мюнхен, 1957. С. 7.
- ¹⁵ Сборник документов по истории Русского освободительного движения / Под общ. ред. А.В. Огорокова. М., 1999. С. 405.
- ¹⁶ Тренев А. «За» или «против»? О коммунистическом наступлении на эмиграцию // *Свобода*, орган Центрального объединения политических эмигрантов из СССР. Мюнхен, Май 1955. № 35. С. 15.
- ¹⁷ Пылаев Леонид. Шесть часов на Родине. Мюнхен: Изд-во СБОНР. 1957. С. 5.
- ¹⁸ Терновский Ю. Мысли о возвращении. Мюнхен: Изд-во СБОНР. 1957. С. 25.
- ¹⁹ Пылаев Леонид. Указ. соч. С. 5.
- ²⁰ Крылов К.А. Наши задачи в психологической войне // *Борьба*, ноябрь 1953. № 45. С. 9.
- ²¹ Добровolec. Орган внутренней связи кадров РОА. Мюнхен, 1955. № 34–35. С. 13.
- ²² Добровolec. 1956. № 38. С. 12.
- ²³ Там же. С. 13.
- ²⁴ Организованное покушение на эмиграцию. Мюнхен, 1956. С. 5.
- ²⁵ Там же. С. 4.
- ²⁶ Там же. С. 8.
- ²⁷ Там же. С. 10.
- ²⁸ Добровolec. 1956. № 38. С. 12.
- ²⁹ Пылаев Леонид. Указ. соч. С. 6.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Свобода. Орган Центрального объединения послевоенных эмигрантов из СССР. Мюнхен, 1955. № 36. С. 16.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 15.